

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

г. Москва

24 ИЮН. 1947

СПЕКТАКЛИ ГРУЗИНСКОГО ТЕАТРА им. РУСТАВЕЛИ

В ИГРЕ актеров Грузинского театра имени Руставели своеобразно соединяются высокая патетика, приподнятость чувств с психологической достоверностью, тонкостью и точностью передачи глубоких движений человеческого ума и сердца. Особенно замечательна игра выдающегося грузинского актера А. Хорава. В ней все поражает — большая и глубокая человечность, отнюдь не заслоняющаяся ослепительным сценическим дарованием, глубина и острота душевных переживаний, соединяющиеся с огромной вдумчивой техникой.

Или А. Васадзе — талант яркий, блестящий, изобретательный, гибкий. Он часто находит смелые, точные, неожиданные штрихи и детали, раньше никем не увиденные и не показанные.

Или Г. Давиташвили с его спокойным, уравновешенным стилем игры, в которой сосредоточенная мысль преобладает над эффектно внешней отделкой роли.

Но как ни ярка и своеобразна игра отдельных корифеев грузинского театра, она сама по себе еще не составляет театра. Для этого необходимы общая направленность, единство устремлений, ансамбль. Этот ансамбль мы видим во многих спектаклях. Он возникает из общего идейного замысла и художественного воплощения большинства участников спектаклей, из единой природы их творчества, в своей манере всегда темпераментного, приподнятого и взволнованного. Может быть в этой манере порой слышится чрезмерная эмоциональность, стремление к эффектно звучащей фразе, подчеркнутой интонации. Но эта эмоциональность рождена жи-

вой, психологической, характерной содержательностью, всем строем чувств и мыслей героев, которых изображает грузинский актер.

Нас особенно волновал вопрос, как будет сочетаться стиль этой игры с произведениями русской, советской драматургии. Спектакли «Победители» и «Великий государь» на этот вопрос дали ясный ответ. Весьма отличные от московских, они нашли в грузинском театре свое интересное решение.

В этом отношении весьма примечателен спектакль «Великий государь» В. Соловьева.

Москва. XVI век. Эпоха Ивана IV. Все русское, старинное, своеобразное. Московский зритель знает эту старину и чутко к ней относится. И вдруг нашему взору предстает царь Иван Васильевич в исполнении А. Хоравы. Что наиболее примечательно в его Иване? Ум и страстность, мудрость и неукротимость характера. За резко чередующимися сменами настроений мы ощущаем что-то всегда постоянное, присущее этому человеку. Это — неукротимость воли, направленность мысли, сознание большой ответственности за все дела государства. Под тяжестью политических забот и жизненных тревожений на лице Грозного-Хоравы часто мелькает тень усталости и грусти.

Кульминационное место в игре Хоравы — смерть царевича Ивана и сцена у гроба. После слов: «Молчи! Молчи!» Грозный-Хорава бросает посох. Долгая пауза. И с криком ужаса Хорава устремляется к смертельно раненному царевичу. Ему слышится голос сына. Он тихо прислушивается,

и вдруг страшный вопль исторгается из самой души страдающего отца. Он понимает весь ужас случившегося, всю его непоправимость. И нет отцу прощения! Что будет с троном, родиной, ее будущим? Горе, сильное, непреходящее, сотрясает весь нравственный мир этого человека.

Исключительная по силе, правдивости и искренности игра!

Спокойствием и мудростью веет от Бориса Годунова в исполнении Г. Давиташвили. В этом характере есть что-то близкое и схожее с Грозным. Оно — в единстве политических взглядов, в твердости воли, в направленности ума. Оба считают себя ответственными за судьбы государства и честно служат его интересам. Роль Годунова Давиташвили играет с большой сдержанностью, значительностью, внутренним тактом.

Иное впечатление оставляет Василий Шуйский — А. Васадзе. Жизнь этого человека — сплошной лабиринт интриг и заговоров. Елейный голосок, хитрые, беспокойные глаза, мягкая, неслышная походка, движения и пластика змеи — все это с большим мастерством, изобретательностью и неожиданностью показывает А. Васадзе.

В спектакле немало и других ярких и интересно задуманных ролей. Таков Акакий-монах (Н. Андроникашвили), Чернец (М. Чихвадзе), Мария Нагая (Н. Лапачи), польский посол (Т. Татишвили). Постановку А. Васадзе отличает стремление к яркой театральной форме, к острому, выразительным мизансценам в сочетании с верностью исторического фона и точностью бытового колорита. Но движущей силой спектакля является его идейное начало, понимаемое как борьба исторически-прогрессивного дела Ивана с боярской реакцией.

Огромной силой, большой содержательностью отмечена игра А. Хоравы

в роли генерал-полковника Муравьева («Победители» Б. Чирскова). В Муравьеве-Хораве прежде всего чувствуется советский человек, советский характер, который мог проявиться и развиваться только в нашей стране.

В нем нет никакого тщеславия и честолюбия, его воодушевляют более высокие, более возвышенные чувства — беспредельная любовь к Родине, чувство достоинства советского человека, реальное понимание и сознание своей ответственности перед Родиной и народом. Может быть эти чувства и рождают в Муравьеве-Хораве то превосходство, то прозрение в замыслы врага, ту уверенность и решительность, с которыми он приводит в исполнение гениальный замысел Верховного Командования.

Весьма содержательна игра Г. Давиташвили в роли генерал-полковника Виноградова. В нем видим цепкость мысли, железную логику, которая позволяет почти безошибочно определить положение и соразмерить ответственность за принятое решение. В своей основе это, несомненно, благородный и честный человек. Но все-таки ему не хватает, по сравнению с Муравьевым, главного — умения охватывать явления войны не только с чисто военной, но и с других точек зрения — экономической, политической, философской, моральной. Все это с большим тактом и показывает в своей игре Давиташвили.

Интересен А. Васадзе-Пантелеев. Артист отказался от почти неуловимых нюансов в изображении чисто русского характера Пантелеева. Он дал более обобщенный тип человека. Но в его Пантелееве за внешней чужаковатостью бьется живое, чуткое, мужественное, честное сердце солдата-генерала, человека стойкого, непреклонного и необычайно спокойно-

го. А. Абхандзе, играющему роль генерала Кривенко, в общем удается

показать яркий темперамент, воодушевление, напористость своего героя. Но для изображения всей сущности характера Кривенко этого недостаточно. Хотелось бы видеть большую психологичность и сосредоточенность. Этой сосредоточенности не хватает и некоторым другим исполнителям (например, И. Джавахишвили-Минутка).

Постановщик С. Челидзе в ряде картин нашел яркие, выразительные средства сценического действия (например, сцена ожидания немецкой артиллерийской атаки).

Последним среди гастрольных спектаклей был показан «Отелло». Об игре Хоравы в роли Отелло можно много писать. Его мавр — действительно мужественный, благородный воин, человек больших чувств, высокой чести и душевной красоты. В этом большом человеке, знавшем взлеты и падения, пожалуй, основное чувство — чувство чести, человеческого достоинства.

И когда Отелло-Хорава страстно и беззаветно полюбил Дездемону, он прежде всего ей доверил свою честь. Таким он предстает в сенате. Отелло спокойно выслушивает обвинения Брабанцио. В этот момент Отелло-Хорава просто не понимает, в чем его обвиняют и чего от него хотят. Спокойствием и уверенностью дышит его речь перед сенаторами.

Но, когда разгорается в душе его огонь гнева и страсти, вызванный подозрениями в неверности Дездемоны, артист меняет все ритмы, жесты, интонации, всю пластику своей игры. Его прыжок на Яго прекрасно оттеняет ярость иступленного человека. Лицо его обезображивается нервной судорогой, и весь благородный облик мавра куда-то уходит вдаль, тускнеет. Страсть владеет им бесповоротно, с неумолимой силой. Он весь в ее власти. Но вот наступает монолог — «В Алеппо, раз турок злой...». И

здесь происходит новое переключение. Снова мы видим очищенную страданиями, благородную душу Отелло.

Всю эту роль Хорава проводит в блестящей форме, с поразительной артистической техникой.

Яго в исполнении Васадзе — интересно задуманная и выполненная роль. Он человек темных, грязных устремлений, двуличный, интриган. Но это там, в глубине души. А внешне Яго почти веселый, добрый малый, любящий вино, веселье и своего генерала. Но вот Яго остается один. И мы слышим из его уст грязные, подлые, мерзкие замыслы в отношении Отелло. Зло часто имеет две стороны: с одной — оно незаметно и только с другой — различимо. Таков двуликий Янус-Яго в исполнении Васадзе.

Отрадное впечатление оставляет игра А. Тоидзе в роли Дездемоны. Уж сколько раз приходилось видеть различных Дездемон, но все они были похожи одна на другую. В них не чувствовалось того, что вложил в этот образ Шекспир, за что полюбил Дездемону Отелло. Это — сила характера, индивидуальность, чувство достоинства. А. Тоидзе счастливо все это находит в своей роли.

С подлинным драматизмом играет Эмилию Т. Чавчавадзе, достигая в заключительной сцене трагической силы.

Спектакли театра имени Руставели смотрятся с большим интересом и свидетельствуют о значительных достижениях грузинского театрального искусства, о выдающемся мастерстве его актеров, об общем высоком уровне грузинской культуры.

В. Залесский.

Ответственный редактор
Г. А. МЕЩЕРЯКОВ.